

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About the site / Search on site

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /

 Версия
для печати

«ЦАРСТВУЕТ АД, НО НЕ ВЕЧНУЕТ НАД РОДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ»

Учение о сошествии Христа во ад нашло полное и всестороннее раскрытие в богослужебных текстах Октоиха, Триоди постной и Триоди цветной. По подсчетам ученых, сошествие во ад упоминается более пятидесяти раз в богослужениях Великого пятка и Великой субботы, свыше двухсот раз в период празднования Пятидесятницы и более ста пятидесяти раз в воскресных и праздничных песнопениях в течение всего года [1].

Значение богослужебных книг обусловлено тем, что они, будучи плодом творчества многих авторов, представляют собой единое целое в плане

богословского и молитвенного осмысления истин веры. Богослужебные книги содержат стройную систему православного богословия и обладают для православного христианина безусловным и непререкаемым авторитетом. Говоря о догматической значимости богослужебных текстов, не следует забывать о том, что эти тексты читались и пелись в храмах на протяжении более десяти столетий, так что возможность присутствия в них каких-либо чуждых православному вероучению идей практически исключена: все чуждое было отсеяно Церковью. В богослужебных книгах мы имеем свод православных догматических истин в их наиболее четком, рафинированном, лаконичном и богословски выверенном выражении.

В настоящей статье мы рассмотрим те богослужебные тексты Великой субботы, которые непосредственно касаются темы сошествия Христа во ад. Далее речь пойдет о значении догмата о сошествии во ад для теодицеи. Заключительный раздел статьи будет посвящен сотериологическому значению данного догмата.

«Адова убо погребен царствия Христе истоцаеши...»

Тема спасения человечества сошедшим во ад Христом раскрывается в богослужении Великой субботы с особой полнотой и особой силой. Уникальность богослужения Великой субботы заключается в том, что смерть Христа Спасителя переживается в них не как конец евангельской драмы, а как начало новой жизни, воспринимается не как поражение, а как победа: она становится не источником скорби, но источником радости. Богослужение Великой субботы — это еще не пасхальное ликование, но уже и не скорбь Великой пятницы, когда внимание верующих было сосредоточено на предсмертных страданиях Спасителя. Смерть Христа открывает путь к воскресению, а Его гроб становится «живоносным гробом» — источником жизни для всего искупленного Христом человечества.

Как отмечает протопресвитер Иоанн Мейендорф, богословские предпосылки великосубботнего богослужения содержатся в «теопасхизме» св. Кирилла Александрийского, согласно которому именно воплотившийся Бог, а не только человек Иисус Христос, умер на кресте, был погребен и сошел во ад. Если богословские противники Кирилла (в числе которых был и Несторий) отказывались говорить о «смерти Бога», то для св. Кирилла само спасение обусловлено именно тем, что «Един от Троицы пострадал». Только Бог может спасти: чтобы спасти человека, Он добровольно «низвел Себя не просто к человечеству как таковому, но к самым глубинам падения человеческого, до самой последней степени распада — до самой смерти». Ибо смерть неразрывно связана с грехом: она делает человека поработанным греху, поглощенным самим собой, принуждает его к необходимости бороться за собственное выживание, нередко принося в жертву жизнь других. Будучи непричастным греху, воплотившийся Бог принял на Себя смерть, являющуюся последствием греха, тем самым разорвав порочный круг греха и смерти. «В мире, в котором стала законом борьба за выживание ценою других, Он явил как высшее проявление любви смерть за других. И когда это высшее проявление любви было совершено Самим Богом, поистине новая жизнь вошла в мир» [2].

В текстах вечерни Великой пятницы, с которой начинается великосубботнее богослужение, подчеркивается парадоксальный и спасительный для всего человечества характер «смерти Бога»:

Страшное и преславное таинство днесь действуемо зрится: неосязаемый удержавается; вяжется, разрешая Адама от клятвы... на древо осуждается, судяй живым и мервым; во гробе заключается разоритель ада. Иже вся терпий милосердно, и всех спасый от клятвы незлобиве Господи, слава Тебе [3].

Страшная и необычайная тайна сегодня видима в действии: удержан неосязаемый; связан разрешающий Адама от проклятия... на крест осужден Судия живых и мертвых; во гробе заключен разрушитель ада. Все претерпевший милосердно и всех спасший от проклятия, незлобивый Господи, слава Тебе.

Тема победы Христа над адом и смертью переходит из вечерни Великой пятницы в утреню Великой субботы:

Егда во гробе нове за всех положился еси, Избавителю всех, ад всесмехливый видев Тя ужасеся, верей сокрушишася, сломишася врата, гроби отверзошася, мертвии восташа... [4]

Когда Ты, о, Избавитель всех, ради всех был положен в новом гробе, ад, достойный всяческого осмеяния (*paggelastos*), видя Тебя, ужаснулся, засовы сокрушились, врата сломались, гробы отверзлись, мертвые воскресли.

Егда во гробе плотски хотя заключился еси, иже естеством Божества пребываяй неописанный, и неопределенный, смерти заключил еси сокровища, и адова вся истоцил еси, Христе, царствия... [5]

Когда Ты плотью добровольно заключил Себя в гробу, оставаясь по Божественной природе неописуемым и беспредельным, Ты запер погреба смерти и опустошил все владения ада, о, Христос...

Егда снизшел еси к смерти, Животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества. Егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: жизнодавче Христе Боже наш, слава Тебе [6].

Когда Ты сошел к смерти, о, Жизнь бессмертная, тогда Ты умертвил ад блистанием Божества. Когда же Ты воскресил умерших от преисподней, все силы небесные взывали: Податель жизни, Христос Бог наш, слава Тебе.

Центральным моментом великосубботней утрени является пение Псалма 118, разделенного на три части («статии»); этот псалом с глубокой древности употреблялся христианами при погребении. В данном случае к каждому стиху псалма добавляются краткие «похвалы», авторство которых принадлежит неизвестному поэту, жившему не позднее XIV столетия [7]. В «похвалах» несколько основных тем, чередующихся одна с другой. Говорится, в частности, о том, что Сын Божий пострадал и умер, исполняя волю Отца, пославшего Его для спасения мира; в то же время Его смерть

неоднократно называется «добровольной» [8]. Особо говорится о Божией Матери, стоявшей у Креста Христова и оплакивавшей Своего Сына. Некоторые из «похвал» обращены к Божией Матери и Иосифу Аримафейскому; некоторые написаны от лица Божией Матери и обращены к Иисусу. В словах, обращенных к Иуде, автор обличает его за предательство. В тексте неизвестного автора «похвал» содержатся также обвинения в адрес иудеев, не принявших своего Мессию и предавших Его на позорную смерть.

Однако главная тема «похвал» — это искупление и спасение человечества сошедшим во ад Христом: выйдя на поиски павшего Адама, но не найдя его на земле, воплотившийся Бог сошел в бездны ада для того, чтобы искупить его (этот образ не может не напомнить евангельские притчи о заблудшей овце и о потерянной драхме). Как и во многих песнопениях Октоиха, подчеркивается универсальный характер искупления, совершенного Христом не для какой-либо определенной категории людей, но для всего человечества и каждого человека. Говорится и о воскрешении Христом мертвых, которое описывается как «опустошение» ада воскресшим Христом:

Животе, како умираеши? Како и во гробе обитаеши? Смерти же царство разрушаеши, и от ада мертвыя возставляеши.

Меры земли положивый, в малом обитаеши, Иисусе всецарю, гробе днесь, от гробов мертвыя возставляяй.

Иисусе Христе мой, Царю всех, что ища к сущим во аде пришел еси; или род отрешити человеческий?

Владыка всех зрится мертв, и во гробе новем полагается, истощивый гробы мертвых.

Животе, во гробе положился еси, Христе, и смертью Твоею смерть погубил еси, и источил еси миру жизнь.

Ад како стерпит, Спасе, пришествие Твое, а не паче болезнует омрачаемь, блистания света твоего зарею ослеплен.

Тебе положену во гробе создателю Христе, адская подвизашася

Жизнь, как умираешь? Как в гробу обитаешь? Но Ты разрушаешь царство смерти и воскрешаешь из ада мертвых.

Установивший размеры земли, Ты сегодня обитаешь в малом гробе, Иисус, Царь всего, воскрешающий мертвых от гробов.

Иисус Христос мой, Царь всего, чего искал Ты, когда пришел к находящимся в аду? Не освободить ли род смертных?

Владыка всего видится мертвым и полагается в новом гробе — Тот, Кто опустошил гробы мертвых.

[Как] жизнь Ты был положен в гробу, о, Христос, и Своей смертью Ты погубил смерть, и сделался для мира источником жизни.

Как вытерпит ад пришествие (*parousian*) [9] Твое и не будет страдать, омрачаясь, ослепляемый молнией света Твоего сияния?

Когда Ты, Христос, был положен во гробе, основания ада поколебались,

основания, и гроби отверзошася
человеков.

Из истления возшел еси животе
Спасе мой, Тебе умершу, и к
мертвым пришедшу, и сломившу
адовы вереи.

Якоже света светильник, ныне
плоть Божия, под землю яко под
спуд крыется, и отгоняет сущую во
аде тьму.

На землю сшел еси, да спасеши
Адама, и на земли не обрет сего
Владыко, даже до ада снизшел еси
ищай.

Якоже пшеничное зерно, зашед в
недра земная, многоперстный
воздал еси клас, возставив
человеки, яже от Адама.

Живот смерти вкусивый Христос,
от смерти смертныя свободи, и
всем ныне дарует живот.

Умерщвлена древле Адама
завистно, возводиши к животу
умерщвлением Твоим, новый,
Спасе, во плоти явлейся Адам.

Под землю хотением низшед яко
мертв, возводиши от земли к
небесным, оттуду падшия Иисусе.

Аще и мертв виден был еси, но жив
яко Бог, умерщвленныя человеки
оживил еси, моего умертвив
умертвителя.

О радости оныя! О многия
сладости! Ихже во аде наполнил
еси, во днах мрачных свет возсияв.

Аще и во гробе погребаешися, аще
и во ад идеши; но и гробы истощил
еси, и ад обнажил еси Христе.

и отверзлись гробы людей.

Ты воскрес от тления, Жизнь,
Спаситель мой, когда умер, пришел
к мертвым и сломал вереи ада.

Плоть Божия, подобно светильнику
света, сегодня скрывается под
землю, словно под спуд, и
прогоняет адскую тьму.

Ты сошел на землю, чтобы спасти
Адама, но, не найдя его на земле,
сошел в поисках его даже до ада.

Словно пшеничное зерно, упавшее
в недра земли, Ты произрастил
обильный урожай, воскресив людей,
происшедших от Адама.

Жизнь, вкусившая смерти, Христос
освободил смертных от смерти и
всем ныне дарует жизнь.

Адама, некогда по зависти
умерщвленного Ты возводишь к
жизни Своим умерщвлением,
явившись во плоти новым Адамом,
о, Спаситель.

Добровольно сойдя под землю, как
мертвый, Ты возводишь от земли к
небесам ниспавших оттуда, о
Иисус.

Хотя Ты и видим был мертвым, но
[оставался] живым как Бог; Ты
оживил умерщвленных людей,
умертвив моего убийцу.

О, радость и великая сладость,
Которыми Иисус [10] наполнил
находящихся в аду, озарив светом
мрачные бездны.

Хотя Ты и погребаешься в гробу и
идешь в ад, но и гробы Ты
опустошил, и ад обнажил, о,
Христос.

Волею снизшел еси Спасе, под землю, умерщвленныя человеки оживил еси, и возвел еси во славе Отчей.

Послушав Слове, Отца Твоего, даже до ада лютаго сошел еси, и воскресил еси род человеческий.

Волею явился еси Слове, во гробе мертв, но живеш, и человеки, якоже предрекл еси, воскресением Твоим Спасе мой, воздвизаеши.

Адова убо погребен царствия Христе сокрушаеши, смертью же смерть умерщвляеши, и тления свободяеши земнородныя.

Зашел еси под землю Светоносец правды, и мертвыя якоже от сна воздвигл еси, отгнав всякую тьму сущую во аде.

Убоися Адам, Богу ходящу в раи; радуется же, ко аду сошедшу, падый прежде, и ныне воздвизаемъ.

Ужасеся ад Спасе, зря Тя жизнедавца, богатство онаго упрядняюща, и иже от века мертвыя возставляюща.

Ты Слове, яко съй живота датель, иудеов, на кресте прострыйся, не умертвил еси, но воскресил еси и сих мертвыя.

Усну Адам, но смерть из ребр изводит; Ты же ныне уснул еси Слове Божий, источаеши от ребр Твоих миру жизнь.

Уснул еси мало, и оживил еси умерших, и воскрес, воскресил еси спящия от века Блаже.

Недр Отческих неисходен пребыл

Ты добровольно сошел под землю, Спаситель, оживил умерщвленных людей и возвел их в славу Отца.

Послушавшись, о, Слово, Отца Своего, Ты сошел даже до страшного ада и воскресил род человеческий.

Добровольно Ты, Слово, был видим во гробе мертвым, но живешь и, как обещал, воскресением Твоим, Спаситель мой, воздвизаешь мертвых.

Будучи погребен, Ты, Христос, разрушаешь царства ада, смертью же умерщвляешь смерть и рожденных землей освобождаешь от тления.

Ты зашел под землю, Носитель света справедливости, и мертвых поднял, словно от сна, прогнав всякую тьму ада.

Адам испугался, когда Бог ходил в раю, но обрадовался, когда Он сошел во ад: ибо воскрешен ныне тот, кто некогда пал.

Ад, о, Спаситель, вострепетал, видя Тебя, Подателя жизни, разграбляющим его богатство и воскрешающим от века мертвых.

Ты, Слово, будучи Подателем жизни, распростершись на кресте, не умертвил иудеев, но и их мертвых воскресил.

Адам уснул, но изводит из ребер смерть; Ты же ныне, уснув, Слово Божие, изливаешь из ребер Твоих жизнь миру.

Ты уснул ненадолго, но оживил умерших и, воскреснув, воскресил от века усопших, о, Благой.

Пребывая неотлучным от чрева

еси Щедре, и человек быти
благоволил еси, и во ад снизшел
еси Христе.

Ад лютый потрепета, егда Тя виде
солнце славы безсмертне, и
издаваше юзники тщательно.

Велие и ужасное видение ныне
зрится: живота сый виновный,
смерть подъят, оживити хотя всех.

Жизнодавче Спасе, слава державе
Твоей, ад разоршей.

Востани Щедре, от пропастей
адских возставляяй нас.

Отца, о, Милостивый, Ты возжелал
стать человеком и сошел во ад, о,
Христос.

Страшный ад вострепетал, когда
видел Тебя, бессмертное Солнце
славы, и поспешно отдавал узников.

Великое и страшное зрелище, о,
Спаситель, сегодня бывает видимо:
Тот, Кто является причиной жизни,
претерпел смерть, желая оживить
всех.

Податель жизни, Спаситель, слава
державе Твоей, разорившей ад.

Воскресни, Милостивый, от
пропастей адских воскресая нас.

Сразу же по окончании «похвал» поются воскресные тропари Октоиха, из которых один посвящен сошествию во ад: «Ангельский собор удивися, зря Тебе в мертвых вменившася, смертную же Спасе крепость разоривша, и с собою Адама воздвигша, и от ада вся свободжда» (этот тропарь уже приводился нами выше). Прочие тропари посвящены собственно Воскресению Христову: их исполнение на утрени Великой субботы знаменует постепенный переход от погребального настроения к «пасхальному». По сути, празднование Воскресения Христова начинается не в пасхальную ночь, а в Великую субботу: на утрени поются воскресные песнопения, а на Литургии читается Евангелие, посвященное Воскресению [11], и священнослужители переоблачаются из темных одежд в светлые [12].

Еще одним ключевым текстом великопостной службы, более древним, чем «похвалы», является канон, авторство которого приписывается трем лицам: ирмосы — Кассии (IX в.), последние четыре песни — Косме Маиумскому (VIII в.), а первые четыре — Марку, епископу Идрунтскому (IX—X в.) [13]. В тропарях канона, обращенных к погребенному и воскресшему Сыну Божию, с особой силой выражена мысль о гибели ада благодаря сошествию в него Христа, о прекращении власти ада над людьми:

Господи Боже мой, исходное пение, и
надгробную Тебе песнь воспою,
погребением Твоим жизни моя
входы отверзшему, и смертью
смерть и ад умертвившему [14].

Да Твоя славы вся исполниши,
шел еси в нижняя земли: от Тебе

Господи Боже мой, исходные
песнопения и надгробную песнь
воспою Тебе, Своим погребением
открывшему для меня входы
жизни и смертью умертвившему
смерть и ад.

Чтобы наполнить все славою
Твоей, Ты сошел в преисподнюю

бо не скрыся состав мой иже во Адаме, и погребен, истлевша мя обновляеши Человеколюбче [15].

Образы погребения Твоего показал еси, видения умножив; ныне же сокровенная Твоя богомужно уяснил еси, и суцим во аде Владыко... [16]

Ад Слове срет Тя огорчися, человека зря обожена, уязвлена ранами, и всесильнодетеля, страшным же зраком погибе [17].

Смертию смертное, погребением тленное прелагаеши, нетленно твориши бо, боголепно безсмертно творя приятие: плоть бо Твоя истления не виде Владыко, ниже душа Твоя во аде страннолепно оставлена бысть [19].

Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим: Ты бо положся во гробе державне, живоначальною дланию, смерти ключи развергл еси, и проповедал еси от века тамо спящим, избавление неложное быв Спасе, мертвым первенец [20].

Уязвися ад, в сердце прием уязвенаго копием в ребра, и воздыхает огнем божественным иждиваемь, во спасение нас поющих: избавителю Боже благословен еси [21].

Разрушися пречистый храм, падшую же совозоставляет скинию: Адаму бо первому второй, иже в вышних живой, сниде даже до адовых сокровищ... [23]

Земля покрывает Мя хотяща, но

земли, ибо от Тебя не скрылось мое бытие (*hypostasis*), которое во Адаме, и, будучи погребен, Ты обновляешь меня, подверженного тлению, Человеколюбец.

Прообразы погребения Твоего Ты показал во множестве видений, ныне же, Владыко, как Богочеловек, ты изъяснил тайны Твои находящимся в аду.

Ад, Слово, встретив Тебя, огорчился, видя смертного обоженным, израненным, но и всесильным; от [этого] страшного зрелища он онемел [18].

Смертью Ты изменяешь смертное, погребением — тленное, ибо Ты божественным [образом] делаешь нетленным принятое [на Себя естество]; ведь плоть Твоя не видела тления, Владыко, и душа Твоя в аду странным образом не была оставлена.

Царствует ад над родом человеческим, но не вечно, ибо Ты, Державный, будучи положен во гробе, живоначальной рукой разомкнул ключи смерти и возвестил спящим там от века истинное избавление, став первенцем из мертвых, о, Спаситель.

Ранен был ад, приняв в сердце раненного копьем [22], и стонет, уничтожаемый божественным огнем во спасение нас, поющих: «Избавитель Бог, Ты благословен!»

Разрушен пречистый храм, но падшую скинию он восстанавливает вместе с собою, ибо к первому Адаму второй, живущий в высотах, сошел даже до адских погребов.

Земля покрывает Меня по воле

устрашаются адовы вратницы,
одеяна видяще одеждею
окровавленной, Мати, отмщения:
враги бо крестом поразив яко Бог,
воскресну паки, и возвеличу Тя [24].

Да радуется тварь, да веселятся вси
земнороднии, враг бо пленися ад; с
миры жены да сретают, Адама со
Евою избавляю всеродна, и в третий
день воскресну [25].

[Моей], но привратники ада
устрашаются, видя Меня, о,
Матерь, одетым в окровавленную
одежду отмщения; ибо, поразив
крестом врагов, Я снова воскресну
и возвеличу Тебя.

Пусть радуется творение, пусть
ликуют все рожденные землей,
ибо враг-ад пленен; пусть
женщины встречают [Меня] с
миром, ибо Я избавляю Адама и
Еву со всем родом [Адама] [26] и в
третий день воскресну.

Как понимать слова, которые мы выделили курсивом, о том, что царство ада над людьми не является вечным? Можно ли в них усматривать отголосок мнения о конечности адских мучений, выраженного в IV в. святителем Григорием Нисским? Или речь идет о том, что ад не совечен Богу, поскольку появился как нечто «привнесенное», чуждое Богу, а потому подлежащее упразднению? Мы опять стоим перед вопросами, на которые нет однозначного ответа. Богослужение Великой субботы приоткрывает перед нами завесу тайны, не подлежащей обсуждению: тайна эта будет раскрыта только в том эсхатологическом Царстве, в котором мы увидим Бога, как Он есть [27], и в котором Бог станет «все во всем» [28]. Сейчас мы можем сказать лишь о том, что власти ада над родом человеческим положен конец смертью и воскресением Спасителя. Если мучения ада и являются вечными, то только для тех, кто вечно противится воле Божией о спасении всего мира. Но попытка ада *навечно* отвоевать себе у Бога некое собственное, автономное царство, навесить на его врата замки и засовы, запереться в нем изнутри и запереть в нем людей в качестве пленников — потерпела неудачу. До тех пор, пока остается хотя бы один человек, который отвечает Богу «нет», ад продолжает царствовать над родом человеческим. Царствовать, *но не вечновать*, ибо его власть навсегда поколеблена Христом, Своей смертью подписавшим ему смертный приговор. Царствовать, *но не вечновать*, ибо само бытие его отныне зависит от воли человека, а не от его собственной воли и не от воли дьявола.

Смысл искупительного подвига Христа раскрывается в синаксарии, который, согласно церковному уставу, читается после 6-й песни канона [29]:

Во святую и великую субботу,
боготелесное погребение
Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа, и еже во ад
сошествие празднуем: имиже от
тли наш род воззван быв, к
вечной жизни преиде...
Снизходит убо Божие Слово с

В святую и великую субботу мы
празднуем боготелесное погребение
Господа Бога и Спасителя нашего
Иисуса Христа, благодаря которому
наш род, будучи вызван из тления,
перешел к вечной жизни... Ибо Слово
Божие плотью нисходит во гроб, а
нетленной и божественной Своей

плотию во гроб, сходит же и во ад с нетленною и божественною Своею душою, разделяеюся смертию от телесе, юже и в руце предаде Отцу, Емуже и свою кровь принесе, не просившу, избавление наше бывшую. Не бо во аде Господня душа, якоже других святых души, удержана бысть... Но ни крови же взят враг наш диавол, аще и нас держаше, еуже куплени быхом. Како бо аще не точию от Бога, но и Бога Его разбойник диавол яти имяше? Обаче телесне и с мужеством вселися во гроб Господь наш Иисус Христос, крайне плоти соединившимся. Бяше же с разбойником и в раи, и во аде бяше, якоже речеся, со обоженною Своею душою. Преестественно же и со Отцем бе, и Духу соседяй, яко Бог неописанный, везде же бе, ничтоже Божеству во гробе страждущу, якоже ниже на кресте. И тление убо господьское тело претерпе, еже есть разрешение души от тела: растления же, сиречь разрушения плоти и удес, совершеннаго погубления никакоже... Ад отселе совращается и изумевается, твердейшую силу ощущая; изблюет убо помале неправедным поглощением, Христа твердейшего и краеугольного камене; и иже от века положи во чреве, снесь сотворив.

душой сходит даже в ад — [душой], которая смертью была отделена от тела и которую Он предал в руки Отцу. Хотя [Отец] и не требовал этого, Он принес Ему Свою кровь, ставшую нашим избавлением. Ибо душа Господа не была, подобно другим душам, удержана в аду... Но и враг наш диавол, хотя и удерживал нас, не принял кровь [Спасителя], которой мы были выкуплены. Ибо как мог разбойник-диавол получить не только [выкуп] от Бога, но и [Самого] Бога? Но Господь наш Иисус Христос вселился в гроб с телом и с человеческим [естеством], соединившимся с плотью. Он был и с разбойником в раю, и в аду, как сказано, со Своей обоженной душой. Но сверхъестественно Он также был с Отцом и восседал [на престоле] с Духом, как Бог беспредельный, ибо Он был везде, и Божество Его отнюдь не страдало ни во гробе, ни на кресте. И тело Господа претерпело тление, то есть разлучение души от тела, истления же, то есть разложения плоти и полного исчезновения членов [тела], никоим образом [не претерпело]... Отныне ад бывает обманут и изумляется, ощущая мощную силу, ибо вскоре извергнет он Христа, — мощный краеугольный камень, — Которого он неправедно поглотил, [а также] тех, кого он несправедливо поместил во чреве, сделав [своей] пищей.

Центральная тема этого текста — догмат искупления, который выражен здесь в терминологии, близкой той, что использовалась богословами III—IV веков. В III веке Ориген утверждал, что Сын Божий на Кресте предал Свой дух в руки Отца, а душу отдал диаволу в качестве выкупа за людей: «Кому Искупитель дал душу Свою в выкуп (litrón) за многих? Не Богу. Почему же тогда не диаволу?... Как выкуп дана за нас душа Сына Божия, а не дух Его, ибо Он уже прежде предал его Отцу со словами: "Отче, в руки Твои предаю дух Мой" [30], также и не тело, потому что об этом мы ничего не находим в Писании» [31]. Однако св. Григорий Богослов оспорил такое понимание

искупления: «Кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как это оскорбительно! Разбойник получает цену выкупа, получает не только от Бога, но и Самого Бога!» [32] Именно эти слова св. Григория и цитируются автором синаксария. Впрочем, св. Григорий отвергает и другую традиционную трактовку искупления (получившую особое распространение в западной традиции), согласно которой кровь Христа принесена Богу Отцу: «Если Отцу, то, во-первых, как? Ведь не у Него были мы в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного будет приятна Отцу, Который даже Исаака не принял, приносимого его отцом?.. [33] Из этого видно, что принимает [жертву] Отец, но не потому что требовал [ее] или нуждался [в ней], а по снисхождению и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога?..» [34]

Другая мысль синаксария — о том, что тело Христово, будучи подвержено «тлению» (*ftthora*), не претерпело «истления», или «разложения» (*diaftthora*). Об этом терминологическом различии, выдвинутом преп. Иоанном Дамаскиным в противовес учению афтартодокетов о нетлении плоти Христовой, говорилось выше.

Наконец, в синаксарии Великой субботы развивается мысль о том, что ад был «обманут», когда туда сошел Христос. Эта мысль, нашедшая свое отражение также в «Пасхальном огласительном слове», авторство которого приписывается св. Иоанну Златоусту, восходит к теории св. Григория Нисского о «божественном обмане», о которой также говорилось выше. Если эта теория может показаться несколько искусственной и натянутой в том виде, в каком она выражена у св. Григория Нисского, то в богослужебных текстах она звучит вполне убедительно, так как здесь речь идет не столько о том, что Бог «обманул» диавола, сколько о том, что диавол «обманулся» вследствие недостатка провидения, проницательности, вследствие гордости и ослепления [35]. Ад тоже оказался духовно слепым и неспособным понять смысл страданий, смерти и погребения Господа Спасителя [36].

Утренняя Великая суббота заканчивается стихирами, в которых говорится о «субботствовании» Господа во гробе. В стихирах проводится параллель между погребением Спасителя, Своей смертью завершившего «домостроительство спасения» рода человеческого, и тем субботним покоем, которым завершилось сотворение мира:

Днесь содержит гроб
содержащего дланию тварь,
покрывает камень покрывшаго
добродетелию небеса; спит
Живот, и ад трепещет, и Адам от
уз разрешается. Слава Твоему
смотрению, имже совершив все
упокоение вечное, даровал еси
нам Боже, всесвятое из мертвых
Твое воскресение [37].

Сегодня гроб удерживает Того, Кто
рукою держит творение; камень
покрывает Того, Кто благоукрасил
небеса; Жизнь спит, и ад трепещет, и
Адам разрешается от уз. Слава
Твоему домостроительству [38], по
которому, окончив все вечное
субботствование (*sabbatismos*), Ты
даровал нам всесвятое Твое
воскресение из мертвых.

Что зримое видение? Кое настоящее упокоение? Царь веков, Иже страстию совершив смотрение, во гробе субботствует, новое нам подая субботство... [39]

Приидите видим Живот наш во гробе лежащ, да во гробех лежащая оживит... [40]

Проси Иосиф тело Иисусово, и положи е в новом своем гробе: подобаше бо Ему из гроба, яко из чертога проити. Сокрушивый державу смерти, и отверзый врата райская человеком, Господи слава Тебе [41].

Днешний день тайно великий Моисей прообразоваше глаголя: и благослови Бог день седьмый. Сия бо есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, воньже почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий...

Что это за зрелище, видимое [нами]? Что это за покой? Царь веков, страданием [Своим] завершив домостроительство, субботствует во гробе, даруя нам новое субботство.

Придите, увидим Жизнь нашу, Которая лежит во гробе, дабы оживить лежащих в гробах.

Иосиф испросил тело Иисуса и положил его в своем новом гробе, ибо Ему подобало выйти из гроба, как из чертога. Сокрушивший державу смерти и отверзший врата рая людям, Господи, слава Тебе!

Великий Моисей таинственно предвосхитил нынешний день, когда сказал: «И благословил Бог седьмый день» [42]. Ибо это благословенная суббота, это день покоя, когда Единородный Сын Божий почил от всех дел Своих.

Литургия Великой субботы начинается с вечерни, которая относится уже к самому празднику Пасхи [43]. Вечерня включает в себя чтение пятнадцати паремий — ветхозаветных текстов, которые в ранней Церкви воспринимались как прообразы смерти и Воскресения Христа Спасителя. Паремиям предшествуют стихиры, посвященные победе Христа над адом; в этих стихирах, как и в памятниках раннехристианской литературы, посвященных теме сошествия Христа во ад (в частности, в «Евангелии Никодима», а также в гимнах преп. Ефрема Сирина и кондаках преп. Романа Сладкопевца), ад персонифицирован:

Днесь ад стена вопиет: уне мне бяше, аще бых от Марии рождшагося не приял: пришед бо на мя, державу мою разруши, врата медная сокруши; души, яже содержах прежде, Бог сый воскреси... [44]

Днесь ад стена вопиет: разрушися моя власть, приях мертваго яко единаго от умерших; Сего бо держати отнюдь не могу, но погубляю с Ним, имижь царствовах;

Сегодня ад стонет и вопит: лучше было бы мне не принимать Родившегося от Марии, ибо, найдя на меня, Он разрушил мою державу, сокрушил медные врата, а души, которыми я прежде владел, Он как Бог воскресил.

Сегодня ад стонет и вопит: разрушена моя власть, я принял Мертвого, как одного из умерших, но удержать Его никак не могу и теряю вместе с Ним тех, над кем

аз имех мертвецы от века, но Сей всех воздвизает... [45]

царствовал: я от века содержал мертвецов, но вот, Он всех воскрешает.

Днесь ад стена вопиет: пожерта моя бысть держава, пастырь распялся, и Адама воскреси; имиже царствовах лишихся, и яже пожрох возмогий, всех изблевах. Истощи гробы распныйся, изнемогает смертная держава... [46]

Сегодня ад стонет и вопит: поглощена моя держава, Пастырь распят и Адама воскресил; тех, над кем царствовал, я лишился, и кого смог поглотить — всех извергнул. Распятый опустошил гробы, и держава смерти обессилена.

Еще раз с новой силой утверждается мысль о том, что ад сделался пуст, истощился, лишился всех своих обитателей после того, как в него сошел Христос. На этой победной ноте заканчивается «пасха распятия» - литургическое воспоминание смерти и погребения Христа Спасителя. После чтения паремий служба окончательно приобретает характер «пасхи воскресения». Заканчивается путь, которым Троица постная вела верующего на протяжении десяти недель: от покаяния великопостных служб к воспоминанию страстей Христовых, смерти и погребения Спасителя, и через это воспоминание — к празднованию Воскресения Христова.

4. Догмат о сошествии во ад и теодицея

Перейдем к вопросу о богословской значимости догмата о сошествии Христа во ад. Этот догмат, на наш взгляд, имеет большое значение для теодицеи — оправдания Бога перед лицом взыскующего человеческого разума [47]. Почему Бог допускает страдания и зло? Почему осуждает людей на адские мучения? В какой степени Бог несет ответственность за происходящее на земле? Почему в Библии Бог предстает как жестокий и немилосердный Судия, «раскаивающийся» в Своих действиях и карающий людей за ошибки, о которых Он знал заранее и которые мог предотвратить? Эти и другие подобные вопросы возникали в течение всей истории; возникают они и у современного человека, соприкасающегося с религиозным мировоззрением и пытающегося найти путь к истине.

Прежде всего скажем о том, что догмат о сошествии Христа во ад приоткрывает завесу над тайной, которой окутаны взаимоотношения между Богом и дьяволом. История этих взаимоотношений восходит ко времени сотворения мира. По общецерковному учению, дьявол был сотворен как существо благое и совершенное, но отпал от Бога вследствие гордости. Драма личных взаимоотношений между Богом и дьяволом этим не окончилась. С момента своего отпадения дьявол начал всеми силами сопротивляться божественной благодати и любви, делать все от него зависящее, чтобы воспрепятствовать спасению людей и тварного бытия. Однако дьявол не всемогущ: его возможности ограничены Богом, и он может действовать только в тех рамках, в которых это попускается Богом.

Последнее подтверждается начальными строками книги Иова, где диавол предстает как существо, во-первых, находящееся в личных взаимоотношениях с Богом, во-вторых, всецело подвластное Богу.

Сотворив людей и поставив их в ситуацию, когда для них стал возможен выбор между добром и злом, Бог взял на Себя ответственность за их дальнейшую судьбу. Бог не оставил человека один на один с диаволом, но Сам вступился в борьбу за духовное выживание человечества. Для этого Он посылал к людям пророков и учителей, а затем Сам стал человеком, претерпел крестные страдания и смерть, сошел во ад и воскрес, дабы разделить с человеком его судьбу. Сойдя во ад, Христос не уничтожил диавола как персональное живое существо, но «упразднил державу диавола», то есть лишил диавола власти и силы, украденной им у Бога. Ибо диавол, воспротивившись Богу, ставил перед собой задачу создать свое автономное царство, в котором он один был бы хозяином, отвоевать у Бога некое пространство, где присутствие Божие вообще никак не ощущалось бы: именно таким местом был шеол в ветхозаветном представлении. После Христа шеол становится местом божественного присутствия.

Впрочем, это присутствие, которое воспринимается находящимися в раю как источник радости и блаженства, для находящихся в аду является источником мучений. Ад после Христа — уже не место, где диавол властвует, а люди страдают; ад — это прежде всего темница для самого диавола, а также для тех, кто добровольно остается с ним, чтобы разделить его судьбу. Жало смерти упразднено Христом, и стены ада разрушены. Но «смерть и без жала для нас еще сильна... Ад и с разрушенными стенами и с упраздненными воротами еще продолжает наполняться теми, кои, оставив тесный царский путь креста, ведущий в рай, идут всю свою жизнь путем широким...» [48]

Христос сошел во ад не как очередная жертва диавола, но как Победитель: Он сошел, чтобы «связать сильного» и «расхитить сосуды его». По святоотеческому учению, диавол не узнал во Христе воплотившегося Бога: он принял Его за простого человека и под «приманкой» плоти проглотил «крючок» Божества (Григорий Нисский). Однако присутствие Христа в аду стало тем ядом, который начал постепенно разрушать ад изнутри (Афраат). Окончательное разрушение ада и окончательная победа над диаволом произойдут при Втором Пришествии Христа, когда «последний враг истребится — смерть», когда все будет покорено Христу и Бог станет «все во всем» [49].

Догмат о сошествии Христа во ад имеет важное значение для понимания действий Бога в человеческой истории, отраженных на страницах Ветхого Завета. Библейское повествование о всемирном потопе, результатом которого была гибель всего человечества, является камнем преткновения для многих, кто хотел бы уверовать в милосердного Бога, но не может смириться с Богом, «раскаивающимся» в собственных действиях. Однако учение о сошествии во ад, изложенное в 1 Пет. 3:18—21, вносит совершенно новую перспективу в наше понимание тайны спасения. Оказывается, выносимый Богом смертный приговор, прерывающий жизнь

человека, не означает того, что человек лишается надежды на спасение: не обратившись к Богу в жизни земной, люди могли обратиться к нему за гробом, услышав проповедь Христа в темнице ада. Предав созданных Им людей смерти, Бог не погубил их, но лишь перевел в иное состояние, находясь в котором, они имели возможность услышать проповедь Христа, уверовать и последовать за Ним.

5. Сотериологическое значение догмата о сошествии во ад

Догмат о сошествии Христа во ад является неотъемлемой частью православной сотериологии. Однако его сотериологическая значимость во многом зависит от того, как мы понимаем проповедь Христа в аду и ее спасительное действие на людей [50]. Если речь идет о проповеди лишь избранным, лишь праведникам Ветхого Завета, тогда сотериологическая значимость догмата минимальна; если же проповедь была адресована всем находившимся в аду, его значимость существенно увеличивается. Кажется, мы имеем достаточно оснований утверждать, — вслед за греческим православным богословом И. Кармирисом, — что, «по учению почти всех восточных Отцов, проповедь Спасителя простиралась на всех без исключения и спасение было предложено всем душам от века усопших, будь то иудеев или эллинов, праведных или неправедных» [51]. Причем не только для праведных, но и для неправедных проповедь Спасителя в аду была благой и радостной вестью избавления и спасения, а не проповедью «обличения за неверие и злобу», как то казалось Фоме Аквинскому. Весь контекст 1-го Послания апостола Петра, где повествуется о проповеди Христа в аду, «говорит против понимания проповеди Христа в смысле осуждения и обличения» [52].

Открытым остается вопрос о том, все ли или только некоторые откликнулись на призыв Христа и были выведены из ада. Если мы встанем на точку зрения тех западных церковных писателей, которые утверждали, что Христос вывел из ада исключительно ветхозаветных праведников, тогда спасительное дело Христа сводится к восстановлению справедливости. Ветхозаветные праведники страдали в аду незаслуженно, не за свои личные грехи, а в силу общей греховности человеческого естества, и потому изведение их из ада было «долгом», который Бог обязан был исполнить по отношению к ним. Но в таком случае речь уже не идет о чуде, перед которым трепещут ангелы и которое воспевается в церковных гимнах.

Восточное христианское сознание, в отличие от западного, допускает возможность спасения от адских мучений не только тех, кто веровал при жизни, но и тех, кто не сподобился истинной веры, однако угодил Богу добрыми делами. Мысль о том, что в аду были спасены все откликнувшиеся на проповедь Христа, а не только те, кто при жизни исповедовал правую веру, т. е. не только ветхозаветные праведники, но и те из язычников, которые отличались высокой нравственностью, развивается в одном из гимнов св. Иоанна Дамаскина:

Некоторые говорят, что [Христос вывел из ада] только веровавших [53],

каковы суть отцы и пророки, судьи, а вместе с ними цари, местные начальники и некоторые другие из народа еврейского — немногочисленные и известные всем.

Мы же на это ответим думающим так, что нет ничего незаслуженного, ничего чудесного и ничего странного в том, чтобы Христу спасти уверовавших [54], ибо Он остается только справедливым Судией, и всякий уверовавший в Него не погибнет. Так что и должно было им всем спастись и разрешиться от уз ада сошествием Бога и Владыки — что и произошло по Его Промыслу. Теми же, кто только по человеколюбию [Божию] спаслись, были, как думаю, все, которые имели чистейшую жизнь и совершали всевозможные добрые дела, живя скромно, воздержно и целомудренно, но веры чистой и божественной не восприняли, потому что не были наставлены в ней и остались вовсе ненаученными.

Их-то Управитель и Владыка всех привлек, уловил божественными сетями и убедил их уверовать в Него, воссияв им божественными лучами и показав им свет истинный [55].

При таком подходе сотериологическая значимость сошествия во ад представляется исключительной. Уверовать в аду могут, по мысли Дамаскина, те, кто не был научен истинной вере при жизни. Добрыми делами, воздержанием и целомудрием они как бы подготовили себя к встрече со Христом. Речь идет о тех самых людях, о которых апостол Павел говорил, что, не имея закона, они «по природе законное делают», ибо «дело закона у них написано в сердцах» [56]. Те, кто живет по закону естественной нравственности, но непричастен истинной вере, в силу своей праведности имеют надежду на то, что, встретившись лицом к лицу с Богом, они узнают в Нем того, Кого, «не зная, чтили» [57].

Имеет ли все это какое-либо отношение к тем, кто умер вне христианской веры уже после сошествия Христа во ад? Не имеет, если мы примем западное учение о том, что сошествие во ад было событием «одноразовым» и что память о Христе в аду не сохранилась. Имеет, если мы будем исходить из того, что ад после Христа уже не подобен ветхозаветному шеолу, но является местом божественного присутствия. Кроме того, как пишет протоиерей Сергей Булгаков, «все события жизни Христовой, совершающиеся во времени, имеют вневременное, пребывающее значение», а потому так называемая «проповедь во аде», которая есть верование Церкви, есть явление Христа тем, кто в земной жизни не могли видеть и знать Христа. Ограничивать это явление... одними ветхозаветными святыми, как это делает католическое богословие, нет основания. Скорее, следует расширить силу этой проповеди на все времена для тех, кто в земной жизни не знал и не мог знать Христа, но встречается с Ним за гробом [58].

По учению Православной Церкви, все умершие — будь то верующие или неверующие — предстают перед Богом. Следовательно, даже для тех, кто не уверовал при жизни, сохраняется надежда на то, что они признают Бога своим Спасителем и Искупителем, если вся предшествующая земная жизнь

вела их к этому признанию.

В приведенном выше гимне св. Иоанна Дамаскина ясно говорится о том, что добродетельные язычники не были «научены» истинной вере. Это очевидная аллюзия на слова Христа: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» [59]; «кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет» [60]. Осуждение распространяется только на тех, кто был научен христианской вере, но не уверовал. Если же человек не был научен, если он в своей реальной жизни не столкнулся с евангельской проповедью и не имел возможности на нее откликнуться, может ли он быть осужден за это? Мы возвращаемся к вопросу, который волновал уже таких древних авторов, как Климент Александрийский.

Но существует ли вообще возможность изменения судьбы человека после смерти? Не является ли смерть тем рубежом, после преодоления которого наступает некое неизменное статичное существование? Не прекращается ли развитие человеческой личности после смерти?

С одной стороны, в аду невозможно деятельное покаяние, невозможно исправить совершенные злые дела соответствующими добрыми делами. Однако покаяние в смысле «перемены ума», переоценки ценностей, очевидно, возможно. Об этом свидетельствует хотя бы то, что евангельский богач, о котором мы уже упоминали, осознал бедственность своего положения, как только попал в ад: если при жизни он был сосредоточен на земных стяжаниях и не помнил о Боге, но оказавшись в аду понял, что единственной надеждой на спасение является Бог [61]. Кроме того, по учению Православной Церкви, посмертная участь человека может быть изменена по молитвам Церкви. Таким образом, и в посмертном бытии есть своя динамика. Дерзнем на основании сказанного предположить, что после смерти развитие человеческой личности не прекращается: посмертное существование не есть переход из динамичного бытия в статичное, но продолжение — на новом уровне — того пути, по которому человек шел при жизни.

* * *

Будучи последним этапом божественного нисхождения (*katabasis*) и истощания (*kenosis*), сошествие Христа во ад стало одновременно начальной точкой восхождения человечества к обожению (*theosis*) [62]. С момента этого сошествия для живых и умерших открывается путь в рай, по которому вслед за Христом пошли те, кого Он вывел из ада. Конечной точкой пути для всего человечества и для всякого человека является такая полнота обожения, при которой Бог будет «все во всем» [63]. Именно ради обожения Бог сначала создал мир и человека, а затем, «когда пришла полнота времени» [64], Сам стал человеком, пострадал, умер, сошел во ад и воскрес.

Мы не знаем, все ли последовали за Христом, когда Он выходил из ада, так же как не знаем, все ли последуют за Ним в эсхатологическое Царство Небесное, когда Он станет «все во всем». Но мы знаем, что с момента

сошествия Христа во ад путь к воскресению из мертвых открыт для «всякой плоти», спасение даровано всякому человеку, и врата рая открыты для всех желающих. Такова вера Древней Церкви, унаследованная от первого поколения христиан и бережно хранимая православным Преданием. Такова неоскудевающая надежда всех верующих во Христа, Который однажды и навеки одержал победу над смертью, опустошил ад и даровал воскресение всему роду человеческому.

---

[1] См. *Н. Василиадис*. Таинство смерти. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. С. 166—167.

[2] *Протопресвитер Иоанн Мейендорф*. Время Великой субботы. — ЖМП № 4, 1992. С. 33—34.

[3] Великая пятница. Веч. Стих.ГВ. Богородичен.

[4] Великая пятница. Веч. Стиховн.

[5] Великая пятница. Веч. Стиховн.

[6] Великая суббота. Утр. Тропарь на «Бог Господь».

[7] «Похвалы» впервые встречаются в рукописях, датируемых XIV—XV вв. См. *Archimandrite Kallistos Ware*. The Meaning of the Great Fast. P. 42. Протопресвитер Иоанн Мейендорф (Время Великой субботы. С. 35) датирует «похвалы» XV—XVI веками, однако эту датировку следует признать неточной.

[8] Такое понимание основывается на традиционном восточно-христианском учении, выраженном, в частности, преп. Максимом Исповедником, о воле Сына Божия, которая, хотя и не идентична воле Отца, однако находится в полном единстве с последней.

[9] Или «присутствие».

[10] Имя «Иисус», взятое из греческого текста, в славянском переводе отсутствует.

[11] Мф. 28:1—20.

[12] В современной практике переоблачение происходит после чтения Апостола. По древнему Иерусалимскому уставу, священнослужители облачались в светлые одежды перед началом вечерни Великой субботы. Это было связано с тем, что во время чтения паремий совершалось крещение оглашенных. См. *И. Мансветов*. Церковный устав. М., 1885. С.

215.

[13] О Марке Идрунтском см., в частности: *И. Мансветов*. Церковный устав. С. 216—217.

[14] Великая суббота. Утр. Канон. П.1.

[15] Великая суббота. Утр. Канон. П.1.

[16] Великая суббота. Утр. Канон. П.3.

[17] Великая суббота. Утр. Канон. П.4.

[18] Букв. «от страшного вида он лишился голоса». Славянский переводчик понял это иначе: «страшным образом он (ад) погиб».

[19] Великая суббота. Утр. Канон. П.5.

[20] Великая суббота. Утр. Канон. П.6.

[21] Великая суббота. Утр. Канон. П.7.

[22] Вариант перевода: «ранен был ад в сердце, приняв раненного копьем».

[23] Великая суббота. Утр. Канон. П.8.

[24] Великая суббота. Утр. Канон. П.9.

[25] Великая суббота. Утр. Канон. П.9.

[26] Выражение «всеродный Адам» указывает на то, что под Адамом понимается все человечество.

[27] 1 Ин. 3:2.

[28] 1 Кор. 15:28.

[29] Синаксарии Триоди постной составлены около XIV в.

[30] Лк. 23:46.

[31] Толкование на Евангелие от Матфея 16, 8.

[32] Слово 45, 22.

[33] Ср. Быт. 22:1—14.

[34] Слово 45, 22.

[35] См. *Священник Иоанн Орфанитский*. Историческое изложение догмата об искупительной жертве Господа нашего Иисуса Христа. М., 1904. С. 63—64.

[36] Ср. *В. Ильин*. Запечатленный гроб. С. 85.

[37] Великая суббота. Утр. Хвал.

[38] Греч. слово *oikonomia* буквально переводимое как «домостроительство», означает в данном контексте божественный план о спасении людей.

[39] Великая суббота. Утр. Хвал.

[40] Великая суббота. Утр. Хвал.

[41] Великая суббота. Утр. Хвал.

[42] Быт. 2:3.

[43] По уставу и вечерня и Литургия Великой субботы должны совершаться вечером, однако в современной практике обе службы совершаются утром.

[44] Великая суббота. Веч. Стих.ГВ.

[45] Великая суббота. Веч. Стих.ГВ.

[46] Великая суббота. Веч. Стих.ГВ.

[47] Термин «теодицея» (букв. «оправдание Бога») изобретен Лейбницем в начале XVIII столетия.

[48] Сочинения *Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического*. Т. IV. СПб.—М., 1870. С. 289 (Слово в Великую субботу).

[49] 1 Кор. 15:26—28.

[50] Ср. *I. N. Karmires*. He eis adou kathodos Iesou Christou. Athenai, 1939. Sel. 107.

[51] *I. N. Karmires*. He eis adou kathodos Iesou Christou. Athenai, 1939. Sel. 119.

[52] *Епископ Григорий (Ярошевский)*. Изъяснение труднейших мест 1-го Послания св. ап. Петра. Симферополь, 1902. С. 10.

[53] Т. е. веровавших при жизни.

[54] Т. е. тех, кто уверовал во время своей земной жизни.

[55] О скончавшихся в вере (PG 95, 257 AC).

[56] Рим. 2: 14—15.

[57] Деян. 17:23.

[58] *Протоиерей Сергей Булгаков*. Агнец Божий. М., 2000. С. 394.

[59] Мф. 28:12.

[60] Мр. 16:16.

[61] Лк. 16:20—31.

[62] Ср. *J. Daniélou*. The Theology of Jewish Christianity. P. 233—234

[63] 1 Кор. 15:28.

[64] Гал. 4:4.